

Глава пятая.

Соединенные Штаты отказываются от порожденной ими же глобализации

Едва вступив в должность президента, Дональд Трамп активно принялся за выполнение самопровозглашенной миссии по расшатыванию основ существующего статус-кво. В вихре указов и заявлений он, не теряя времени, обрушился на все, что вызывало его недовольство, действуя наперекор устоявшимся представлениям. От социальной сферы до вопросов «культуры» – погоня за внешним эффектом остается фирменным стилем этого шоумена и бизнесмена, совершившего поворот в сторону политики. Но если оставить в стороне стиль этого персонажа, его попытка «отыграть назад» ставит серьезные вопросы о текущей конъюнктуре и ориентирах на будущее. И ключевым здесь является экономический блок, в центре которого стоит проблема глобализации.

а. Масштабный сбой глобализации.

Глобализация, бывшая на протяжении четырех десятилетий объектом культа и непререкаемой догмой, сегодня явно буксует. Ее изъяны видны невооруженным глазом, а недостатки открыто обсуждаются. Альтернативные пути ищутся в открытую. Еще недавно подобное было немыслимо – настолько мощным, если не сказать удушающим, было господство неолиберальной идеологии. Сегодня идея деглобализации больше не считается ересью. Даже идеологи глобального неолиберализма на Западе вынуждены признавать право этой идеи на существование, хотя и делают это с осторожностью. Они не спешат тиражировать эту мысль, однако и не вносят ее в список запрещенных тем. Разве не слышим мы от них разговоры о реиндустриализации, идущей вразрез с выводом производств за рубеж (делокализацией), о диверсификации, региональных соглашениях, а также о «**решоринге**» [от англ, reshoring – возвращение производства в страну заказчика] и «**френдшоринге**» [от англ, friendshoring – ограничение сети цепочек поставок до союзников и дружественных стран] – то есть об уходе в узкие блоки проверенных партнеров, которые одновременно были бы и политическими союзниками?

В обоих случаях это полная противоположность той глобализации, которую так превозносили до недавнего времени. Речь идет о возврате к национальному производству, о фрагментации мировой экономики, о препятствиях для международных торговых потоков и об эрозии неолиберального порядка. А ведь вся западная политика начиная с 1945-го, и особенно с 1980 года, была направлена именно на то, чтобы сделать подобные национальные подходы пережитком прошлого.

Мировой правящий класс, международные элиты, гости Давосского форума [ежегодного Всемирного экономического форума, проводимого в альпийском городе Давос (Швейцария)] далеки от того, чтобы отказаться от глобализации. Они по-прежнему являются ее сторонниками и не скрывают своего неодобрения по отношению к Трампу, его выходкам и сокрушительным ударам, которые он наносит по глобализации. Но за пределами этих кругов сомнения растут, и деглобализация больше не является гипотезой, от которой можно отмахнуться.

б. Истоки недовольства.

Трудящиеся в странах, подвергшихся деиндустриализации, осознали, что именно на их плечи легли все издержки неолиберальной глобализации: углубление международного разделения труда, «вынос» производства за рубеж, уничтожение стабильной занятости, безработица и неуверенность в завтрашнем дне. Удар по уровню жизни, падение реальных зарплат и жизнь в долг ради покрытия базовых потребностей стали новой реальностью. Промышленные регионы, некогда бывшие локомотивом национальных экономик, превратились в депрессивные зоны.

В деловых кругах, в правительствах и среди идеологов неолиберализма царила эйфория. Но затем грянул гром, дискредитировавший глобализацию и потрясший мировую экономику: ипотечный кризис и крах Леман Бразерс [Lehman Brathers – один из четырех крупнейших международных инвестиционных банков с головным офисом в Нью-Йорке] в 2008 году. Мир был на волоске от экономической депрессии, сопоставимой по тяжести с кризисом 1930-х годов. Из-за взаимозависимости стран, стирания границ между финансовыми институтами (банками, биржами и страховыми компаниями), дерегулирования финансов (породившего бесчисленные деривативы – сложные долговые обязательства) и вызванного глобализацией ухода государства из экономики чисто американский финансовый кризис эхом отозвался практически во всем мире.

Стали очевидны все негативные последствия глобализации и те опасности, которые она несла экономикам и обществам. Обещания процветания обернулись реальной угрозой нищеты. И хотя худшего чудом удалось избежать, неолиберальная глобализация и лежащая в ее основе идеология утратили свой былой блеск. Миллионы семей и простых граждан из народных слоев, а также мелкие предприниматели обнищали или потеряли все. По Соединенным Штатам прокатилась волна гнева.

Именно это настроение Трамп почувствовал и попытался направить в нужное русло еще во время своей президентской кампании 2016 года. Он провозгласил отказ от глобализации, который был проигнорирован в официальных кругах. В 2025 году он продолжает тот же курс: вернуть предприятия и рабочие места в США, защитить американское производство от иностранной конкуренции, снизить зависимость национальной экономики от внешних факторов. У него это не получилось в 2017-2020 годах, и нет гарантий, что получится в период 2025-2028 годов.

Некоторые склонны связывать пересмотр глобализации с пандемией COVID-19. Острая необходимость в вакцинах и масках выявила неудобства длинных логистических цепочек поставок («цепочек создания стоимости»), что дало старт проекту достижения санитарного суверенитета. Другие считают, что конфликт на Украине, а точнее «санкции» против России, привели к фрагментации мировой экономики и выдвинули на первый план факторы безопасности. В частности, это подчеркнуло важность независимости от импорта для обеспечения жизненно важных энергетических потребностей.

Это веские причины, но геоэкономические и геополитические причины также следует принимать во внимание.

в. Неолиберальная глобализация разочаровывает своих создателей.

Модель асимметричной неолиберальной глобализации распадается. Она предусматривала вертикальную и иерархическую структуру: Соединенные Штаты на вершине, некоторые развитые страны – на промежуточном уровне и большинство стран-производителей – в основании. Благодаря американскому доллару как фактически международной резервной валюте, США могли управлять миром и выкачивать его богатства с минимальными затратами или вовсе без них. Именно такую форму принял современный империализм.

Эта структура нестабильна, поскольку развитие мировой экономики ставит ее под сомнение. Самым ярким доказательством является стремительное развитие Китая, который должен был оставаться субподрядчиком для иностранных компаний, размещавших у него производство, но которому удалось сохранить свою независимость, развить национальную экономику и вывести сотни миллионов китайцев из нищеты. Китай не только преодолел отсталость, унаследованную от колониальной эпохи и «века унижений», но и в рекордные сроки стал развитой страной, заняв передовые позиции в сфере высоких технологий. Такой результат не предвиделся и не планировался Соединенными Штатами. **Китаю удалось вырваться из-под американского контроля и извлечь выгоду из глобализации, установленной для того, чтобы благоприятствовать США и удерживать Китай на вторых ролях. Он является первой экономикой мира по паритету покупательной способности (23 триллиона долларов США), конкурентом Соединенных Штатов (20 триллионов) и препятствием для их мирового господства.**

Успехи Китая в рамках неолиберальной глобализации вынуждают Соединенные Штаты подвергать ее сомнению с помощью политики деглобализации. США теперь склонны разрушать собственное творение, которое было им выгодно, но плодами которого они теперь делятся с другими. Проглобалистская риторика и призывы к свободной торговле отбрасываются в сторону, как только они перестают соответствовать интересам их инициаторов. Причем довольно забавно наблюдать, что роль защитника свободы торговли и глобализации – важнейших опор для этой страны-экспортера – теперь перешла к Китаю.

г. Деглобализация или реглобализация?

Теперь, когда Соединенные Штаты подрывают глобализацию, чтобы вернуть себе превосходство, возникает вопрос о том, что придет ей на смену. Экономические альянсы – это очевидная формула, но она может быть лишь переходной. Производство сейчас имеет мировые масштабы (источники сырья, охват рынков, размеры заводов, эффект масштаба); альянсы для этого слишком малы. Наступит фаза реструктуризации мировой экономики, пока игроки заново определяют свое место и свои отношения, прежде чем обретет форму новая глобализация. Подобный прецедент уже имел место в межвоенный период – между глобализацией до 1914 года и той, что сложилась после 1945 года.

Период переустройства и реорганизации также соответствует геополитической трансформации мира и его переходу от однополярности к многополярности. Эти процессы протекают параллельно и носят конфликтный характер.

Либеральная глобализация всегда была иерархичной. В XIX веке «мастерской мира» была Великобритания. Соединенные Штаты доминировали в мировой экономике с 1945 года, и еще в большей степени – в условиях неолиберальной глобализации с 1980 года. Американоцентричная неолиберальная глобализация, то есть современная форма империализма, еще не сказала своего последнего слова, и США развязали мировой конфликт против Китая и России, чтобы увековечить ее. Однако можно полагать, что эта попытка будет тщетной и что американская гегемония подходит к концу. Дедолларизация неизбежна, и доллар может быть заменен расчетной единицей, основанной на национальных валютах, как это рассматривается внутри БРИКС. Будет ли будущая глобализация горизонтальной, многосторонней и, возможно, основанной на чем-то ином, нежели экономический либерализм, в условиях многополярного мирового порядка? Ближайшие годы это покажут.